

18+

Сергей
Лемехов

ТРИ ИСТОРИИ
ИЗ РЕАЛЬНОЙ
ЖИЗНИ

Трудная
работа

Любовь и музыка

Дорога
к дому



Сергей Лемехов
**Три истории из реальной
жизни. Любовь и музыка.
Трудная работа. Дорога к дому**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51785744

ISBN 9785449846969

Аннотация

Эта книга – «Три истории из реальной жизни» – художественная переработка жизненного опыта автора: Лондон, Ливерпуль, Манчестер, Токио. А теперь представьте всё это глазами молодого, начинающего «разведчика», умеющего видеть себя и других со стороны. И вы согласитесь – трудная работа, особенно когда в душе бушует любовь и музыка. Я благодарен дорогому мне человеку Илоне Пшегодской за все хлопоты, связанные с выходом этой книги и дизайн обложки. А также Александре Решетниковой – корректору.

Содержание

ЛЮБОВЬ И МУЗЫКА	5
I	5
II	14
III	20
IV	34
V	51
VI	63
VII	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Три истории из реальной жизни Любовь и музыка. Трудная работа. Дорога к дому

Сергей Лемехов

Редактор Илона Пшегодская

Корректор Александра Решетникова

Дизайнер обложки Илона Пшегодская

Фотограф сайт Pixabay sasint

Фотограф сайт Pixabay Free-Photos

© Сергей Лемехов, 2020

© Илона Пшегодская, дизайн обложки, 2020

© сайт Pixabay sasint, фотографии, 2020

© сайт Pixabay Free-Photos, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-4696-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЮБОВЬ И МУЗЫКА

Russian XXX-story

I

Вовку – Владимира Ивановича – судьба не любила; была и швыряла Вовку из одной крайности в другую: из Франции – в Японию, от лягушек – к медузам. Но и он на вызов отвечал достойно: не пил из мелкой посуды. Всё как-то не приходилось. Во Франции пьют только виноградное вино из пол-литровых бокалов, а если коньяк наливают, то в такой фужер, что с горшком перепутать можно. В Японии, как оказалось, дела обстоят не лучше. В Страну восходящего солнца он приехал по обмену между двумя ядерными исследовательскими институтами. Его сослали на два года, чтобы помогать писать диссертацию японскому коллеге. Работа непыльная и даже в некотором смысле интеллектуальная: то, что сам не сделаешь, другому для пробы – «научный поиск» – посоветовать можно. Поселили Владимира Ивановича в отдельной многокомнатной квартире в Токио. В первый же вечер, когда собрался Вовка наедине с нелёгкими мыслями и литровкой «Столичной» ответить достойно на новый удар безжалостной Судьбы, вдруг обнаружилось,

что во всём доме нет рюмок. Есть только три высоких цилиндрических стакана. Все равны как на подбор, и с ними Вовка с французских гор. Понять меру стаканов было нелегко: пришлось разлить всю бутылку на троих, а по нулевому остатку определить мерку. Оказалось, что стаканы по 0,333 и три в периоде. «Дурацкая британская система. Нашли, у кого учиться. В этом деле, как и в науке, мы – первые. Так нет же, у британцев переняли, а они до сих пор ездить по правильной стороне не умеют – всё налево норовят уйти». Итак, мерку он установил, но по традициям питейного искусства (которому он собирался, между прочим, обучить своего аспиранта – «Пусть приобщается к богатству русской культуры») переливать обратно в бутылку нельзя. «Но столько-то мне не выпить... Или?.. Нет, не выпить. ... Не выпить? Ну, ладно, выпить! А зачем? Отметить новый изгиб судьбы». Так сам с собой разговаривал Вовка. Но на три стакана у него закуски не было. Делать нечего – пришлось искать «подстаканников».

Решение принял Вовка легко – с гадостью расставался просто: никогда не жадничал. Но найти в чужой стране, да ещё и вечером подстаканников – дело непростое. Совсем не то, что в Москве или в любом другом уголке необъятной России. А в Японии? В стране человек пять-десять говорят по-английски, да и те работают в правительстве. Их пригласить – это нереально. Искать на улице – водка выдохнется. То, что она ещё и согреется, его не смущало: приходилось

пить и тёплую, а японцы саке сами на огонь ставят, чтобы температуру тела приняла, и чувствуют её лучше градусника. Нет, тёплая водка его не смущала. Но где же взять вечером подстаканников?

Вовка думал. Вот тогда и пригодился ему весь научный интеллект с умением анализировать и делать правильные выводы.

Идею познакомиться с соседями он не рассматривал серьёзно: знал по Франции, что за месяц в письменном виде пригласить необходимо, а потом накануне подтверждение дать. «Совсем опаскудились со своим принципом privacy». Были и другие соображения: со стаканом не пойдёшь, а к себе не затащишь: если японец ботинки скинул, то до утра вновь не наденет, даже если землетрясение случится. Этот solid факт Вовка знал по рассказам друзей, кто уже отбыл своё в Японии. Переводя взгляд от стаканов к двери, он думал, начинать или не начинать? Но отсутствие достаточной закуски говорило, что ответ начинается с частицы не. «Так, начнём с самого начала. Как я сюда попал? Через дверь. Хорошо, а раньше? Была ещё одна дверь – в подъезд. Стоп. Что было в подъезде? Мне сказали на плохом русском „Здравствуйте“. Мужик, который там сидел. Ага! Беги за ним, пока не ушёл! ...А что я ему скажу?.. Не скажешь, а спросишь. И что же?.. Да что угодно! Где уют? Уют... По-английски он может не понять вопрос, а по-русски уж точно не знает. Хуже, если поймёт. Ответит, что нету, и что тогда? Что-то

другое тогда нужно спрашивать... Стоп, ещё раз. Спрошу его про горячую воду: hot water. Пусть покажет на примере крана. Show me, я, мол, чайник. Это он поймёт, а потом и переход к горячительному стакану логично станет выглядеть. Пошли!» – дал команду сам себе Вовка и спустился на этаж вниз, к вахтёру.

На свою беду и Вовкино счастье вахтёр ещё не ушёл домой. Никто за ним не следил, но он сидел до восьми, как было положено.

– Ещё час, – сказал вахтёр по-английски и заулыбался.

Вовка обрадовался: вахтёр при исполнении, и пойти показывать кран с горячей водой русскому чайнику не отказался. Наличие горячей воды в квартире скоро стало очевидным, и вопрос исчерпался сам собой. На всякий случай вахтёр показал все краны, что имелись в квартире, и думал, что теперь его миссия кончилась. Людям свойственно заблуждаться.

Вовка широким жестом левой руки от плеча пригласил вахтёра глянуть на стол, а затем коротко призвал к стакану, повернув кверху сжатые в кулак пальцы, и резко развернул гнутые трубочки в ладонь. На лице вахтёра мелькнуло замешательство: он при исполнении, но обязан быть со всеми вежливым и уступчивым. За час с другими жильцами стрястись ничего уже не могло, если за целый день живы-здоровы остались. Вахтёр согласился и первым крикнул «Банзай!» Вовка повторил, но получилось как-то эротично: «Вонзай!» Вахтер отхлебнул не сильно много, решил Вовку

поправить и, приподняв на четверть опустошённый стакан, крикнул ещё раз «Банзай!» Хитрый русский учёный сразу воспринял неожиданно свалившуюся подсказку и вторично (но умышленно) искажил важное слово. Японец отпил и решил поведать русскому, что это слово означает. Ему казалось, что если Вовка узнает смысл, то не будет перевертывать это важное для всех японцев слово. Выходило, что оно означает что-то вроде короткой молитвы «Будем жить». Произносится утвердительно, но в голосе должна звучать надежда; «Nothing for sure». Так, постепенно обретая знания, Владимир Иванович потерял первый стакан. От своего он едва пригублял и потому не закусывал: берёг закуску на свой индивидуальный скорбный пир по невзгодам тяжёлой Судьбы.

Японцу очень хотелось закусить, но, видя, что хозяин этого не делает, и он стоял в стороне от съестного – пил из стакана, а закусывал вприглядку. Ничего хорошего про русских вахтёр думать уже не мог: кран с горячей водой не находит, водку пьёт глубокими стаканами и не в состоянии повторить корректно японское слово «*Банзай*». Не в пример японцу, Вовка про него думал хорошо: «Крепкий парень. За пять минут опрокинул и без закуски. Ну воля, ну характер! Этот будет бонзать!»

Стакан был пустой, и вахтёр поспешил к двери. С большим трудом ему удалось надеть ботинки, но зашнуровать сил уже не осталось, и поймать ручку, чтобы открыть дверь, он не смог. Вовка помог с дверью и даже пошёл провожать

вахтёра на его рабочее место – доносить вахту до восьми.

– There is a lift here, – заплетаясь языком, сказал вахтёр, поддерживаемый Вовкой.

– Wow, it is okay! – обрадовался Вовка, что не придётся валиться с ношей по ступенькам. Могучим сложением он не отличался. Остатки сознания японец потратил, чтобы восхититься стойкостью и заботливостью нового жильца из России: пили на равных, но какая разница в подготовке!

Владимир Иванович был тронут оценкой и хотел уже поведать, как он когда-то... но японец, принесённый на место, отпал и не реагировал. Деликатно укрыв его пледом, что нашёлся в каптёрке, да поправив голову, чтоб легче дышалось, Вовка удалился обратным ходом.

Войдя в лифт, он обнаружил важное обстоятельство: надписи на двух языках: иероглифы и по-английски. Одна из кнопок – та, что красного цвета, – извещала, что её необходимо нажать при emergence, то есть при крайних обстоятельствах. Обстоятельства у него были крайние, и лучшего повода не найти. Стоя в створках дверей лифта и мешая им закрываться, он нажал на красную кнопку и стал ждать. Через пять секунд последовал ответ, но по-японски. Володя перебил оператора:

– Help me, please. I am inside and I cannot find my way out of here.

– Just a moment, I will be right there in a couple of minutes, – ответил оператор.

«Вот, а говорят, они английский не знают. Врут, получается. Кого не спросишь в доме – все отвечают», – сам себе сказал Вовка с упрёком. Доля правды в его словах была: в этом доме по-английски говорили. В институте, где ему предстояло работать, было несколько человек с семьями из Америки, Европы и России. Жили компактно. Поэтому на вахте и в техническом обслуживании работали по найму те, кто мог объясняться на доступном языке. Но на почтовых ящиках все надписи только по-японски. Понять, кто из жильцов русский, а кто местный, новичку невозможно. Вот и приходилось Вовке работать как в рейде – на импровизациях.

Техник пришёл, как и обещал – через две минуты, и очень удивился, не заметив в застеклённой камерке вахтёра. Но свет там горел, значит, всё в порядке: ушёл на вызов. Где ему было знать, что, напротив, вахтёр с вызова уже вернулся и теперь спал под пледом в кресле.

С мягкой вежливой улыбкой техник попросил русского первооткрывателя лифтов войти внутрь подъёмника и сам последовал за ним. Потом спросил, на какой этаж желает подняться гость из близкой России и очень изумился, услышав, что на второй по европейской системе.

В Англии это был бы для него третий. Первый англичане называют особо – ground floor, то есть «этаж на мостовой». Удивление техника пришлось как нельзя кстати: видя своеобразие русского друга, техник решил проводить его до дверей. Далее Вовка повторил by the way (между прочим)

трюк с горячей водой пригласительным жестом левой руки от сердца к стакану и первым крикнул эротическое «Вонзай!»

Ошибка и непонимание важного смысла были налицо, и техник, ещё раз мягко улыбнувшись, взял предложенный стакан и, отпив четверть, начал шарить глазами по столу в поисках закуски. Её на столе не оказалось. Только два ломтика чёрного хлеба с широкими полосками свиного сала.

Ни ржаной хлеб, ни сало техник прежде не видел и рисковать не стал. Переложив стакан из правой руки в левую и подбирая слова из скудного английского лексикона, техник стал объяснять, как правильно произносить боевой японский клич. Закрепить объяснения Вовка предложил на практике, и техник выпил. Оставалось влить в него всего половину, но это дело и вовсе простое. «Сейчас он мне про значение банзая расскажет, а потом я ему напомним, что остатки сладки».

– Банзай – это очень важное слово. Когда самураи и их воины шли в атаку на врага, то этот клич не только укреплял их боевой дух. Важно было произнести его как можно увереннее и искренне, тогда он повергнет в смятение врага, и его слабость – твоя сила.

Вовка так и сделал: крикнул «Банзай!» и вложил в него немало веры и силы. Техник не позволил себя так просто победить и крикнул «Банзай!» по-японски: громко, коротко, с верой в сердце. Вовка взглядом проводил опрокидыва-

ющеся доньшко стакана, и когда последние капли стекали в техника, а слезы побежали по щекам, то быстро спрятал свой полный стакан и выставил на стол другой – тот, что опустошил бедный вахтёр. После очевидной победы в словесном поединке над врагом – мирный договор всё ещё не подписан – японец позволил себе отщипнуть кусочек чёрного хлеба, понюхал и съел его.

Дальнейшее Владимиру Ивановичу было знакомо: приходящая, трудные ботинки, ускользающие шнурки и уплывающая дверная ручка. Конечно, он помог, вызвал восхищение стойкостью и силой характера и потащил техника под плед к вахтёру. Хорошая русская душа, хлебосольная, безотказная.

II

Влетев радостно в лифт, нос к носу столкнулся Вовка с коллегой по родному Московскому институту, а теперь и здесь быть им вместе.

– Твою мать, кабы раньше знать! А те, что поселяли, разве не могли меня предупредить?! Сколько продукта пропало! Твою мать!

– В дом входя, здороваться полагается, а ты сразу в крик и ругань. Ты что, не рад своих видеть?

– Рад, ещё как рад! Я тут, не зная, с кем выпить, водку в этих м – -ков влил. Семьсот грамм! Могли бы с тобой «за встречу» хряпнуть. Всё эта злая Судьба.

– Ты подожди судьбину клясть. Ещё осталось?

– Осталось. Я ж только приехал. У-у, проклятая!

– В какую тебя закинули?

– На сто первый, – вяло и с обидой на Судьбу ответил Вовка.

Товарищ, коллега, собутыльник, ровесник и прочее, напротив, весело крикнул, убегая по ступенькам вверх:

– Жди через минуту. Чёрный хлеб есть?

– Есть.

– Не трожь и не режь! Сами съедим.

С тяжёлой Судьбой за плечами побрёл Владимир Иванович к себе в квартиру – ждать Витька на последний стакан

московской «Столичной». Было отчего на неё обижаться.

Виктор Викторович, он же Витёк, пришёл не один, как и прозвучало, а с женой Майей. Такое весеннее имя было у очень симпатичной Витькиной брюнетки. Детей они бросили одних: «Картун за ними присмотрит». Картуном за границей называется телевизионный канал, где днём и ночью крутят мультфильмы. Идёт сплошная дрянь, да такая, что Флинстоны покажутся шедевром. Иногда, как Добролюбовский луч света в тёмном картунном царстве, блеснёт Дисней: Том и Джерри, Бакс Бани, Рэд Хот Райдер. Но это очень редко. Взрослых родителей дети стараются к Картуну не подпускать – им от рождения свойственна доброта и забота, а сами тем временем глупеют и не отходят от Картуна. Что поделать, ТВ нянька.

Безусловно, для сорокалетних Витьки и Майи это было на руку: идеальная возможность уединиться в интимной обстановке в любое удобное для них время. Чем и пользовались. Так что Картуна они не любили, но в доме держали за неимением кошки или собаки.

Майя была восхитительна: тёмные с отливом волосы, уложенные под Анну Каренину, короткое чёрное платье, которое по неведению можно было запросто спутать с комбинацией, фаланговый узкий металлический ремешок золотого тона, чёрные замшевые туфельки на умеренном каблучке и свободные от чулок красивые стройные ножки. Натурально, ничего лишнего под платьем в области груди не было.

Это Вовка видел по тем рельефным холмикам, что спутать ни с чем другим нельзя.

– В таком виде на водку и сало? Опять она меня испытывает. У-у, проклятая.

– Ты опять о своём?! Знакомься: саМайя моя любиМайя из женщин, Майя. А ещё она – моя жена.

– Значит, из женщин она у тебя не одна? Только как жена одна?

– Майя, ты теперь и сама видишь, что это Вовка: ипохондрик, софист и логист, – притворно вздохнув, представил Витёк своего приятеля по трём институтам: где учились, где в Москве обретались, и где предстоит теперь вместе работать в Японии.

– А я Вас именно таким и представляла, – просто сказала брюнетка и протянула Вовке руку, но не как это делают мужчины, а по-женски, с хитрым испытанием: ладонью вниз и чуть расслабленной в запястье. Пока Вовка не успел схватить её красивую ручку, добавила:

– После всего, что Виктор про Вас сказал, Вы мне нравитесь даже ещё больше.

Мысли зайцами заскакали в голове Вовика: «Вот ты и попался. Что теперь с её рукой делать? Пожать – показать себя грубым табуретом. Поцеловать – насмешишь и себя, и её, и Витька. Даже если её не насмешишь, то всё равно красиво, как у де Голя, не получится. Для этого надо вангоговский бардовый берет надеть, потом снять, а ещё прежде состоя-

тельным французом родиться надо было. Опять приходится из-за неё выкручиваться. У-у, проклятая...»

Вовка не стал заставлять даму долго ждать с призывно протянутой ручкой. Он галантно подступил к Майе, сделав при этом полшага в сторону. Теперь он мог взять её кисть под прямым углом, что он и сделал, подложив под женскую ручку свою раскрытую ладонь. Любая женщина при этом инстинктивно опустит руку на вашу – символ обретения защиты – и будет с интересом ждать продолжения. Тут главное не смотреть ей в глаза, если не хочешь целовать протянутую ручку как француз. Владимир Иванович в таких вопросах был дока: не хуже Растиньяка знал, как с рукой управиться. Вовка положил сверху свою вторую ладонь, и влажная, тёплая, нежная Майина ладошка оказалась как в жемчужной раковине, из которой на свету поблескивал топаз в её колечке, надетом на безымянный палец. Далее Вовка начал медленно переводить взгляд от ладошки к локоточку, от него – к нежному плечу, через остренький подбородок – к розовым призывным губкам и далее, пока не встретил в упор взгляд её зелёных глаз.

– Очень приятно, – сказал Вовка с двойным значением, которое было понятно Майе больше, чем ему. Для него это было лишь дело техники, а для Майи – знак немого восхищения, выраженного так, как и полагается настоящему мужчине, прибывшему из страны с вековыми куртуазными традициями. Натурально, вопрос о целовании руки отпал сам

собой, чего Вовка и добивался.

– Не то слово. Секси, вери секси, – поправил Вовку друг Витька, обладатель этого украшения стола и дома. Вовка на замечание вздохнул и отвел глаза. Его вздох без внимания не остался. Витька продолжил:

– Ничего, Вован, и тебе отыщем кралю с красивыми ногами – азиатский диамант.

– Порой случается, что и на алмазы, попадает грязь, но их никогда в неё не обронят. Не отыщешь, – парировал Владимир Иванович, продолжая воплощать в жизнь науку Растиньяка.

– Большое спасибо, Володя. С Вашим приездом наш дом посетило просвещённое отношение к женщине. Вы тот мужчина, который не наносит на женское сердце новые грани, а освещает те, что уже есть, ярким светом радости и призывает окружающих полюбоваться радугой цветов.

– Вот это да! Первый раз такое от неё услышал. Начиталась женских романов, так теперь ей любой «куртуаз» голову вскружит. Хорошо ещё, что своей работы не имеет – на моей шее сидит и никуда, стало быть, с неё не спрыгнет, – совершенно беззлобно и добродушно откомментировал Майин муж (-лан). На пошлое по смыслу и форме замечание Вовка уронил к носу брови и промолчал, коротко глянув на Майю.

Она поймала его взгляд, оценила реакцию и с теплотой в голосе повторила:

– Спасибо ещё раз, Володя.

III

...И началось застолье. Вовка вынул из холодильника всё, что у него было – кирпич ржаного чёрного хлеба и большой шматок сала. стакан водки уже стоял на столе. Часы показывали 7:50, и по незнанию Владимир Иванович решил, что в магазин бежать поздно, да у него и денег японских не было. Первый день как прибыл и в Институте не оформился ещё на денежное довольствие. Всё это его ждало впереди. Просить о добавке к рациону друзей-соотечественников он не стал – хорошо знал русское правило: кто хочет, тот сам приносит, а нет – и не надо, будем рады тому, что есть.

Квартира была огромная, квадратная по форме. С южной стороны по центру – входная дверь, и сразу же за нею маленькая кафельная площадка метр на метр.

Все японцы в этом месте обувь скидывают, даже если в тапочках в гости придут из соседней квартиры. Потом начинается длинный коридор, уложенный дубовым лакированным паркетом на мягкой упругой подушке. В самом начале коридора две двери направо и налево – просторные спальные комнаты с трюмо и платяными шкафами. Далее по коридору ещё одна дверь – ванная, мини-прачечная и прочее.

Всё это и коридор занимало примерно половину Вовкиного жилого фонда. Заканчивался коридор дверью в апартаменты: справа – кухня трамваем, без всяких стенок, а с мет-

ровой по высоте перегородкой, и за ней просторная меблированная спальня. Предположительно женская, потому что мужчина должен спать на татами – возвышенной площадке, покрытой настилом из соломки бамбука. Углом татами выходил на дверь кухни-трамвая и прохода в дамскую спальню, а внешней стороной в просторный зал, где по центру стоял большой ореховый стол и стулья, а над ними светильник со свисающим цепочкой-шнурком.

Его сейчас Вовка и дёргал, пытаюсь понять функциональное значение шнура и осветительные возможности лампы под потолком. Витька деловито и экономно нарезал чёрный хлеб «блокадными пайками», выложил на мелкую тарелочку, а на дощечке оставил широкие полоски сала с чесночком. Включили телевизор и приготовились начать пить «Столичную». Но тут случилась заминка.

– Из полного стакана по двум другим не разлить без потерь. Что делать будем? – спросил Витька. Майю в этом деле тревожило другое:

– Из этих стаканов японцы пили? Тогда их вообще трогать нельзя – всё в рыбе. Перебьёт даже водку – мой, не мой.

– Может, я за нашими стаканами сбегая? – предложил Витёк.

– Смысла нет – без потерь не перельём, – помрачнел Вовка, понимая, что придётся покупать ещё и средство для мытья посуды из-за этих японцев.

– Оставьте ваши глупые мучения. Будем пить из одного

стакана. Это символично и романтично!

– Майка молодец. Правильно предложила. Умница, хоть и красавица. Кто начнёт? Может быть, даму вперёд пропустим «пропустить»?

– Что ж, если это случится, то будет в первый раз за все десять лет знакомства.

– Уважаемые господа, позвольте высказаться и предупредить спор. Дилеммы нет, и даму вперед к стакану не пропускают: первый тост всегда за них. Значит, нам и пить, а дама тогда уж потом, но это никак не может её обидеть.

– Спасибо, Володя. Вы опять всё красиво и со смыслом разрешили.

– Подожди, Майя, ты после нас, а кто первым из нас?

– А из нас тебе и начинать. Я как хозяин гостям рад, но моё слово второе, а ты выразишь даме, что она для тебя значит. Тем более случается это нечасто, как можно заметить. Начинай!

– Майя, be sexy, everywhere and forever! (будь всегда и везде секси-привлекательной)

– Спасибо, Витя, обязательно буду, – пообещала мужу Майя и взглянула из-под опущенных век на Вовку. Витька отпил и потянулся к салу и хлебу. Собрал всё в кулак, кусал и жевал, охая от удовольствия. Майя продолжила банкет:

– Теперь, вы, Володя.

«Ну, вот, опять приходится напрягаться и выдумывать изящества словесной глупости. Выпить по-людски не умеют:

всё им со смыслом надо», — думал Вовка, но вслух сказал другое:

— За милых дам; за то, чтобы наши смелые надежды всегда находили в их душах бухту спасения!

После слов Владимир Иванович взял эстафетный стакан, поставил его на ладонь левой руки, отвёл в сторону локоть, поднося стакан к губам и придерживая правой ладонью ближе к низу. Сделал умеренный глоток, и, сдерживая напряжёнными бровями реакцию на горечь спиртного, потянулся к пайке чёрного хлеба, отщипнул кусочек, положил сверху полоску сала и элегантно отправил всё по назначению.

— Офранцузился вконец. И пить, и есть разучился. Дамский угодник.

Вовка отвлекаться на замечание не стал: молчание возвышает, когда хула у всех на слуху. Он стоял напротив молодой, красивой, счастливой семейной пары, и в первый раз своего холостяцкого бытия позавидовал им. Не конкретно, а всем кряду: женатым и счастливым.

«Сколько бы я перед ней кораллы не развешивал, а спать пойдёт в другой дом. Свой дом. С шеи не спрыгнет... А с ума? С ума её, пожалуй, спрыгнуть можно. Она умна, романтична и доверчива. Клюёт на уважение в ней красивой личности. А с женщинами совсем не как в музее: если женщина одета как экспонат, то руками трогать можно и нужно. Строго рекомендуется. Важно суметь тонко внушить ей, что именно для тебя она в этот день не зря вот так оделась.

Убеждение должно прорасти в ней самой, с мелкими глотками красивой лжи до полного опьянения. Когда комплексы проснутся, пора уже будет домой идти, в семью и к детям. Даже провожать не потребуется. Вот с Витькой что делать? Всё-таки он мне приятель... Ну и чёрт с ним. После меня, подлеца, она его ещё крепче любить будет за простоту и глупость. Принято: начинаем атаку до проникновения в сердце... и под него».

– Теперь и Вы, Майечка, не забудьте про бочонок с ромом, что стоит рядом с Вами.

– Умеренность – это моё кредо, тем более, когда есть с кем поупражнять свою голову.

«Вот тебе и на. Во-первых, умеренность. Первое входное значение. Во-вторых, она тоже считает себя на охоте. Что такое женская охота на охотника? Это испанское танго: буйство страсти на грани закипания внутри и спокойствие то-реадора снаружи. Вот тебе и второе входное значение. Так, теперь обратимся к следствию. Умеренность ограничивает меня снизу. Причём буквально. Сверху путь открыт: через голову к сердцу и далее везде. Умеренность женщины – это метание между Лаэртом и Гамлетом. Если Лаэрт упорствует, а Гамлет молчит, то быть ей Офелией, сходящей с ума по запретной любви. Если Лаэрт сам кутит, а Гамлет ищет и находит путь к сердцу, она – Лаура. Смотрим на Лаэрта: пьёт большими глотками, с Майей он как Фальстаф и желает, чтобы она как можно лучше смотрелась, была соблазни-

тельной и оттеняла для него ценность обладания ею. Такой Лаэрт и сам к другому за руку отведёт. Было бы кому подсказать. С умеренностью все ясно – будем опускать до уровня „Винзорских насмешниц“ вместе с трусишками, если она их вообще одела. Что следует из факта танго: нельзя терять ритм, единство жестов и звучания. Обладание – это последний логический аккорд, и его играют только вдвоём».

– Скажите для нас что-нибудь приятное или лучше откройте глаза на непонимание вас, женщин, – предложил Владимир с тайным корыстным умыслом.

– Все знают, что в женщинах мужчины ценят загадку. Тонкий кавалер обязательно подчеркнёт, что она у его дамы есть, но никогда не назовёт ответ вслух. Если его догадка правильная, то дама даст ему о том знать, наградив выше щедрости тем, чем богата. За мужчин, которые, постигнув загадку женского сердца, не раскрывают вслух секретов и оставляют его с благодарностью.

– Так, ладно, я ничего не понял, но вижу, что остаётся на один мой большой глоток.

– Ну, так и выпей его. Последний всегда за хозяев, а я тебе подарочек пока собираю, – бросил небрежно Владимир Иванович и поспешил к холодильнику.

– Как скажете. За гостеприимную Японию! – и допил стакан. Майя и Володька растерялись: ожидалось, что пить будут за обладателя жилого фонда, где проходило веселье.

– Ты за кого выпил?! За Владимира надо было пить, а ты

и капельки на него не оставил! – упрекнула мужа Майя. Виктор стоял и растерянно, но с удовольствием жевал хлеб и сало.

– А я сразу и не понял. Что ж теперь делать?

– Исправлять ошибку, – с намёком на продолжение приятного вечера подсказала мужу жена. – Пойти в русский ресторан и отметить приезд как полагается. Тем более, ты на достигнутом не остановишься, а в данном случае и не надо.

– Ах, ты моя секс-тёлка. Всегда знаешь, как в омут войти и выйти, – расцвёл Витька. В этот момент вернулся с кухни Вовка, неся запакованный в целлофан ещё один, целый кирпич ржаного «Бородинского» хлеба.

– Вот: неси домой, пока не передумал. В семью и детям.

– А сало? Сало тоже давай.

– Сало бери всё, что на столе. Шматок большой, а больше нет. В другой раз к тебе приду есть.

– Нет, лучше мы к тебе опять нагрянем. Ну, я побежал относить, а ты переоденься к ресторану. Туда без галстука не пускают. Любой, хоть шнурок завяжи, – сказал и исчез в коридоре, уходящем к общему балкону с обоймой входных дверей.

Они остались вдвоём: он спиной к татами, а она в проходе на кухню и в женскую спальню. Любая пауза могла породить неловкость и отбросить игру к началу тайма. Необходимо продолжать танго, а это всегда вдвоём: «сплетенье рук, сплетенье ног...» и что у кого к этому есть ещё добавить.

Опытный Владимир поспешил продолжить игру до полного проникновения.

– С Вашего разрешения, я приму душ и сменю дорожные доспехи, а Вы, если это не затруднит, повяжите мне галстук. Сам я не умею.

Это была полная правда: за сорок лет он не овладел простым искусством повязывать галстук на рубашку. В вопросах быта он был настоящий «чайник», и всё вызывало трудности. Не в пример его научной карьере: нелегко было сыскать двух ему равных. Любая задача решалась с моцартовской легкостью и бетховенской глубиной смысла.

– А кто же Вам обычно их завязывает?

– Обычно никто. А в первый раз жена или сын. Я их не развязываю, узел только ослабляю и надеваю через голову. Потом подтягиваю. Постепенно узкий конец галстука становится длиннее широкого, смыслодержущего. Тогда я снова прошу кого-нибудь завязать, кто умеет. Сейчас Вас прошу, и буду долго-долго носить, аккуратно снимая через голову.

– Виктор говорил, что Вы холостой.

– И да, и нет. Я женат, и у меня есть дети, но вся моя семья живет в Москве и никогда со мной не ездит по чужим краям. Вот и получается, что я веду холостяцкий образ жизни. Но я не один, и это очень важно для меня. Я только живу один. Я как журавль: летаю далеко, но знаю, где мое гнездо.

– А почему Ваша жена с Вами не хочет быть за границей? Она что, языков не знает или есть другие причины?

– Языки она знает: английский и немецкий. Но причины есть, и я не могу их не уважать. Только если мы начнем сейчас об этом говорить, я не успею в душ и переодеться. Придёт Ваш муж и будет сердиться на Вас. На меня не посмеет: только приехал, давно не виделись и прочее. Остаётесь Вы как единственный объект упрёков и нападок. Я после с Вами поговорю. Наедине.

Последние слова он произнёс с особым смыслом. «Теперь она будет думать над тем, что я сказал. Накладывать на мои слова свои причины, почему она здесь, и думать о других, что держат многих жён бродяжных журавлей в Москве или любом другом российском доме. Это её должно размягчить. Потом она вспомнит, что я пообещал с ней поговорить наедине, и зазвучит в её мозгу мелодия испанского танго. Тут главное её не уронить и на ногу не наступить. Об этом после думать буду. Сейчас в душ».

В японских жилых домах душевые комнаты очень удобные. Гораздо лучше, чем в Европе. Они отделены от умывальника водонепроницаемыми шарнирными дверями. Там есть все необходимые полочки для мыла и шампуней, и есть куда повесить полотенце, чтоб безопасно было. В Японии не обязательно забираться в ванную – можно стоять в просторной душевой и наслаждаться струйками воды, подставляя под них лицо, шею и... прочее. Душевые в жилых японских домах спланированы на демографический взрыв, не иначе. Места в них на двоих. Нет больничной белизны чу-

гунных корыт, называемых в Москве и России ванными. Нет моргового мрамора обителей шоузвёзд, а есть пластиковые купели цвета слоновой кости, и если к ним прислониться – да, чем угодно, – то не охватывает озноб. Под ногами пластиковый мягкий коврик. Одним словом, плодись и грейся.

Пора было ему из ванной выходить, и тут Судьба вновь о себе напомнила. Дилемма: голым не выйдешь, а несвежее бельё надеть нельзя – танго не позволяет.

«Что делать? Попросить отвернуться и сверкать по квартире задом – насмешишь. Бытовая мелочь уронит весь романтический настрой. Попросить принести? Можно, только уж слишком явно проявлюсь. Из-за двери руку за вещами только женщины протягивают. Мужчине полагается приоткрыться: часовой механизм спрятать за шарнирную дверь, а разрез по вертикали отдать на обозрение. Неважно, толстый ты или тонкий, маленький или ещё какой. Если есть кому подать, то она с этими недостатками уже смирилась ввиду других достоинств... Вот именно, а в моём случае она только начинает обретать причины и мало что знает о достоинствах. То, что я могу спрятать за дверью, возможно и будет её новым приобретением для моей пользы и её удовольствия. But nothing for sure. Рисковать нельзя». Он ещё помялся в ванной комнатке, прилаживая полотенце и разглядывая себя в зеркале.

«Придётся выходить как Аполлону к Венере – в полотенце. Влажные волосы, белые покрывала, прямой взгляд сме-

лых глаз, свежесть и душевная чистота. И она – черна, как южная ночь. Эротично. Может сработать. Ну и подлец же я».

– Я выхожу. Прошу, не пугайтесь. Я совершенно как из бани, но под полотенцем.

– Я не пугаюсь, приходилось видеть мужчин и без полотенца.

– Вакхические оргии?

– В кино. На видео. Виктор приносит для вечернего просмотра.

– Всё же я попрошу Вас сейчас повернуться к окну и проверить, нет ли, к примеру, дождя.

Майя повернулась, а мнимый Аполлон пробежал к татами. Но тут случилась неожиданность.

Майя быстро вернулась от окна к татами и, протестуя, выставив вперёд правую руку с веером тонких пальчиков, сказала:

– На татами нельзя так просто заходить.

Аполлон опешил и замер с занесённой над татами ногой. Руками он придерживал полотенце.

– А как же можно?

Венера приблизилась, встала сбоку, рядом, и начала учить:

– Подходить к татами следует мелкими семенящими шажками. Подойдя, руки сложите ладонями вместе, поднесите к лицу и поклонитесь, склонив голову к рукам и спину в пояснице. Тапочки перед тем, как ступить на татами, надо

успеть скинуть. Вот смотрите.

И она показала, как надо заходить на татами. Взошла на середину его зелёного поля. Впереди стоял Аполлон, слева кровать. Венера томно попросила:

– А теперь Вы, но по правилам нашей японской культуры. Традиции священны: просветлённый Будда восседал и возлежал на татами. Женщины восходят на него, чтобы служить мужчине. Тут я Вам галстук и повяжу.

«Послать ко всем чертям Просветлённого с его деспотической традицией или нет? Шутовство какое-то. Восседал, возлежал... Любому ясно: ел и спал, а на бамбуке потому, что влажно там было, а бамбук всегда сухой. Смолы в нём особые. Не смачивается он. Вряд ли Будда задумывался об особой важности места, а не о сухости зада – берёг старичок себя от сырости. Но делать нечего: придётся плясать её па. Могу представить, как глупо сейчас буду выглядеть». Вот здесь мнимый бог ошибся – представить, как он будет через секунду выглядеть, он не мог.

Аполлон отступил на метр от татами. Просеменил мелкими шажками к выступу ковра. Скинул тапочки и встал на них поверху. Затем, как учили, сложил руки, поклонился, ступил... а полотенце осталось на входе. Аполлон – смешной, как старик Хотабыч, и голый, как Адам в саду Эдемском, – стоял напротив Венеры, демонстрируя всё, чем по-самцовски наградил его Господь.

Медленно переведя взгляд от дара к Венере, Аполлон

встретил её глаза. Она смотрела на него и не смеялась. Она подставилась под его напряжённый взор, как он недавно в душе подставлял лицо под струйки воды – наслаждаясь, чувствуя, как убегает с их потоком усталость. О полотенце он не думал. Сделав два решительных шага, Аполлон-Вовка приблизился к Венере вплотную и крепко стиснул её руки в плечах. Она не напряглась, не отпрянула, а подалась к нему грудью, подчиняясь призыву сильных рук. Он смотрел всё время ей в глаза не мигая, боялся отвести. Пока он так смотрит на неё, он знал – она в его власти, но эта власть для двоих, а не для него одного.

Её руки совсем ослабли и обвисли. Потом он начал чувствовать, как зашевелились её тонкие пальчики и вновь напряглись руки. «Подбирает повыше платье. Освобождает для меня. Сейчас и про трусишки всё выяснится. Господи, успеть бы до второго пришествия... её мужа». Она зашептала:

– О чём ты сейчас думаешь?

– О танго, что мы танцуем вдвоём.

Не успели. Комната наполнилась красивой мелодией: сработал звонок на входе. Виктор, желая войти, предупреждал любую возможную неловкость. Тактичные русские люди. На это способны только они: уважать право наций на тайну блуда.

– Одевайся, быстро.

– Не успеть. Дай рубашку и возьми галстук. Рубашка

длинная, прикроет. Сама стой рядом, как будто повязываешь и не отходи, я ещё в норму не пришёл. Опасность меня не пугает. Веди себя смело, спокойно, натурально. Даже если он что заподозрит, такое поведение собьёт его с толку. Если в первую секунду не станет скандалить, значит и вовсе ничего не будет. Всё. Об остальном я позабочусь. ...Ты очень необыкновенная. Особая. Южная Ночка, тёплая сказка.

– ...Вот вы где?

– А где? Видишь, женщина обслуживает мужчину по нашим теперь японским традициям. Так что стой рядом и не мешай, а то узел ровным не получится. На татами не заходи – это место занято.

– Так и не научился сам подвязывать? – спросил, но взглядом оценивал обстановку и проверял кровать. Успокоился: не тронута.

– Даже если б и умел, то теперь бы в этом не признался.

– И душ принять успел?

– Успел. Я же с дороги. В ресторан грязным идти не могу: верю, ждёт меня там удача.

– Начинает человек в норму приходить. Вот что значит на двадцать минут с женщиной оставить.

– Хорошо, что не на час. Пришлось бы мне тогда не в ресторан, а в другое заведение идти.

IV

Русский ресторан в Японии показался Владимиру явлением специфическим. Удивление пришло сразу, как только они спустились по высоким деревянным ступенькам глубоко в подвал совершенно неприметного снаружи здания. Окон в ресторане не было. Ожидаемого трактирного убранства не оказалось. После ступенек очутились гости на маленьком свободном пятачке размером не больше площадки в троллейбусе. С четырёх сторон прихожей – проходы без дверей, но с подобранными по бокам зелёными бархатными занавесочками с отливом и золотистой бахромой. Со всем как на знамёнах советского периода, только цвет другой. Почувствовался душевный уют. Промозглый декабрь, царящий на улице и в настроениях, сменился домашним теплом. Справа от ступенек расположилась кухня. Через проём было видно, что она вытянутая, как бакалейный прилавок в любом московском гастрономе, и работает в ней один человек. На длинной чёрной плите в ряд располагалось до десяти конфорок, и за спиной у повара – гнезда духовок, стилизованные под русские печки, но всё на газе. Немолодая японка принимала от повара блюда и разносила их на медном подносе по назначению.

Прямо по ходу лестничного спуска проход вёл в туалетную комнату, куда проследовал Виктор, как только они во-

шли. Он призывно кивнул Вовке, но тот, усмехнувшись, отказался. Адресовал тот же жест Майе, но она отвела глаза влево – в зал, словно и не заметила экзотического приглашения.

С кухни вышла немолодая женщина, японка и встретила Майю и Владимира традиционным для страны восходящего солнца радушным гостеприимством: искренние поклоны и приглашающие движения рук, сопровождаемые причитаниями наподобие «уважае-масс». Как будто в ладушки играет, но только без прихлопывания. Причитания вызвали у Владимира, не свыкшегося ещё со звучанием нового языка, русскую фразу «Прошу, уважаемые». Он глянул вопросительно на Майю, выгнув дугой брови, и та, улыбнувшись, подтвердила догадку:

– Да, это именно то, что и слышится. Очень похоже на русский, но не на русских.

– То есть?

– Ты хоть раз слышал в наших ресторанах, чтобы тебе ска-
зали так сердечно и с поклоном?

– Нет, не приходилось...

– И нам с Виктором не приходилось. Значит, и не говорят.

– А зачем сразу делать обобщения? – появившийся неожиданно быстро из туалетной комнаты Виктор раздражённо заерепенился. Его кольнуло в сердце перемена в жене: назвала Вовку на «ты». «Может чего уже было?.. Но кровать была нетронута. В душевой она не была – вспотеть успела бы,

и потом он мокрый, а она сухая... нет, не было ничего. А-а! Это после общего испитого стакана. Тогда всё ясно. Это правильно. Молодец, Майка».

Малоприятные мысли прервал Вовка:

– Элементарная индукция. Школьник знает. Если утверждение верно для первого элемента и для второго элемента последовательности, то оно верно и для любого другого, случайно выбранного. Майя правильно сделала вывод. Остаётся только удивляться чёткости и скорости её реакции.

Виктора опять кольнуло: «Он что, хочет сказать, что были ещё другие варианты тихоблудства? А как он узнал, что я об этом думал? Никак. Ты просто ревнивый, вот и видишь в любой фразе намёк на ущемлённые права самца. ... Намёки, конечно, есть, но это потому, что любой разговор с женщиной для того, чтобы её в постель завлечь или самому от постели отвлечься. Ничего не было. Дело ясное. File closed». Однако полной уверенности не было, и смута в сердце продолжалась.

Майя умела хорошо чувствовать своего мужа. Любила и не желала ранить его самолюбие. Она знала, что Виктор не зря позвонил в дверь перед тем, как войти. Предупреждал. Допускал, выходит, в душе, что она могла соблазнить мужика за короткий интервал случайного знакомства?

Майя глянула на Владимира, и когда тот поймай её взгляд, указала на Виктора. Вовке всё было ясно без слов: требовалось «погасить» Витька. Его внезапная раздражительность

не осталась без общего внимания. Владимир обратился к товарищу:

– Что теперь? Куда теперь?

– Теперь скидывай ботинки, если носки не рваные. Если рваные, всё едино: скидывай.

– А как же танцы?

– Какие танцы? – искренне удивился Виктор, но потом сообразил, что Вовка в Японии новичок и всего не знает.

– Здесь посетители не танцуют. Для них – да, но не они. Их культурная программа вся в меню указана. Сиди и пей, да на гейш поглядывай. Не цыганки, конечно, но много общего. Внутренне присущее единство целей и содержания.

– Whores?

– Нет, definitely not! Объясню за столом, – и первым последовал в зал, за ним Майя и Владимир.

Зал располагался напротив кухни, но был существенно выше. Три ступеньки и крылечко с ковровым покрытием вели внутрь. В самом зале поражали столики. Создавалось впечатление, что им вдвое против обычного укоротили ножки. Располагались столики вдоль трех стенок, оставляя немного места для людей. Стульев или пуховиков для гостей нигде не наблюдалось. Свободное пространство между столиками и в зале было не что иное, как татами, уже знакомый Вовке, и он криво усмехнулся.

Виктор, не давая разъяснений, прошёл к одному из низких столиков, что располагались слева от них, сел к стене ли-

цом в залу и убрал ноги под стол. Сдвинулся вперёд и посту- чал правой рукой по татами, приглашая жену сесть рядом. Она безропотно подчинилась. Владимиру осталось только занырнуть к столу, оборотясь спиной к залу. Он сел напро- тив Виктора. Смотреть на женщин чуть сбоку и с удаления для него было удобнее. Можно, не поворачивая головы, ви- деть все лица и не фиксировать на этом чьё-либо внимание. «Блудливый опыт приходит с годами и синяками» – это он усвоил и от правила оптимального расположения за столом без причин не отступал.

Укороченные ножки столов разъяснились: татами пред- ставлял собой ковровый помост, но в нём имелись прямо- угольные гнёзда, в которые и были утоплены деревянные столы. Скатертей на столах не было; вместо них имелись большие – как обеденные – подносы, мягкие пластиковые коврики, напоминающие на ощупь китайский ластик, а цве- том лазурь. Поверхность стола была гладкая, отполирован- ная, но без толстого слоя лака. Ореховые разводы давали гла- зам отдохнуть. Сидеть оказалось совсем не жёстко: края та- тами обрамляли невысокие вельветовые подушечки под тон всего покрытия.

Вскоре стало ясно другое назначение татами в русском ре- сторане. Пришла уже знакомая гостям японка; опускаясь пе- ред каждым из них на колени, разложила батистовые сал- фетки и предложила меню: большие двустворчатые открыт- ки в сафьяновых обкладках.

– Уважение во всём. Одними лишь техническими средствами его достигают и без нашего старорежимных «Чего изволите-с?» На колени перед гостями встала, но себя не унизила: по-другому и не получится красиво. Всё продумано. У этого народа многому учиться следует. Равенство во всём, что касается личности. Между прочим, чем приятнее обслуга – тем дешевле ресторан. Погоди, сводят тебя в пятизвёздочный «Шанхай» – увидишь, поймёшь и больше не пойдёшь. Обслуга – ледышки, цены небоскрёбные, а еда та же, если не хуже.

Виктор давал пояснения виденного, обращаясь исключительно к Владимиру. На жену Виктор не глядел, как если бы её рядом и вовсе не было. «Ревнивец вспыхнул», – догадалась чуткая Майя и обрадовалась. Она поймала правую, ближнюю к ней руку мужа и опустила, сцепив своими пальцами на стол между ними. Виктор попытался освободиться, потянул ладонь со стола, но она не отпустила сцепку, и руки плавно соскользнули вниз, на вельветовую подушечку к краю татами. Она понимала, что Виктор не станет теперь вырываться – это будет слишком явно. От природы он был добр и тактичен, но носил при посторонних маску простака. Пальцами Майя ощущала напряжение его руки. «Не отошёл ещё», – решила она и продолжила наступление. Выражая всем видом согласие с мужем, Майя придвинулась к нему ближе и рывком переложила сцепленные руки к себе на бедро. Подозрений со стороны быть не могло. На столе пусто,

руки занять нечем. Пока не подадут первые блюда, гости по обыкновению рефлекторно заняты коленями, укладыванием салфеток. Только в случае с Майей было существенное отличие.

Майя не трогала салфетку, а потянула руку вдоль бедра под платье – туда, где Виктор кончиками пальцев ощутил особое тепло, напряжение и влажность её тела. Боясь себя выдать, он не пытался отдёргнуть руку. Она пульсирующими движениями, короткими мазками заводила его, но он не поддерживал игры и внимания на жену не обращал.

Через две минуты неравной борьбы Виктор сдался: руку расслабил, и Майя его отпустила. Он достал руку из-под стола и переложил к Майе на плечо, привлёк к себе. Она счастливо заулыбалась и, обращаясь к Владимиру, сказала:

– У Виктора два конька: курительская тема и японские культурные отношения в обществе. Очень по-русски: политика и культура на фоне патологической расточительности.

– Про последнее ты зря. Вовка может решить, что ты жадная, и начнёт зажиматься за столом. Он закомплексованный. Есть и пить хочет, дамочку снять. Ты можешь убить в нём всё хорошее.

– А ты ему расскажи, какая я. Он поест, попьёт и на меня, глядишь, переключит всё внимание, – попросила Майя игривым тоном, и было ясно, что нежная она и Витьку «погасила».

После тайной ссоры и явного примирения с краси-

цей-женой, Виктор заметно воспрял духом и стал как прежде весёлым и разговорчивым.

– Что касается культуры. Дам вам маленький пример. Ты, Майечка, знаешь, подтвердишь. Метро. Переполнено, случайно освобождается место, и его занимает молодой человек. Просто школьник, а следом заходит старичок или в преклонных годах женщина. Встает рядом и...

– ...молодой человек, тяжело вздохнув, поднимается, уступая место, – предположил Владимир не без иронии.

– Нет, ошибаешься. Сидит и не шевелится, как все другие. Никто его не упрекает. Не услышишь ты до боли знакомого: «Милок, уступил бы старушке место». В обществе не принято. Кому довелось сесть, тому и сидеть, а нет – стоять будет. Есть в каждом вагоне, как и у нас, особые места – для тех, кто еще ноги таскает, но с трудом. Их молодые не занимают. Даже в переполненной электричке. Женщина сесть может, но не молодой или вполне крепкий. Видишь, очень удобно: можно не делать вид, что зачитался или уснул и не заметил старикана до самой своей остановки.

Володька недоверчиво покачал головой. Виктор продолжил:

– Разъяснение феномена очень простое: если начать упрекать, то возникнет стресс: и у того, кто сидит, и у того, кто стоит, и у тех, кто видит и слышит всю картину. Они себя берегут, оберегая покой и спокойствие окружающих. Не веришь? Смотри. Наша японка-сан несёт поднос. Нет, не нам –

на другой столик. На подносе маленькие глиняные вазочки как под ландыши. Это саке, водка; её полагается пить только тёплой. Оптимально, когда температура 36 и 6, как у тела. Watch now!

Виктор поднялся и, опережая хозяйку заведения и зала, направился к столику, что был у дальней стены, по центральной дорожке прохода в зале. За столом сидела мужская компания – пять или шесть человек, японцев.

Неожиданно явившийся гость подступил к старшему из группы пирующих и, мягко улыбаясь, заговорил по-английски. О чём говорил, Вовка и Майя не слышали, но видели, как ему отвечали и приветливо улыбались. За спиной у Виктора в ожидании замерла хозяйка, держа на руке поднос с остывающей саке. Её вид ничего не выражал. Она ждала, и это всё, что она делала.

Вовка взглянул на Майю. Та улыбнулась:

– Не волнуйся, он сейчас вернётся. Это показательное выступление.

Виктор не спешил возвращаться. Более того, в беседу с ним включились и другие участники нарушенного застолья. Слышно было смех, и ничего, кроме приветливости, в них не было. Ни один из них не попросил Виктора пропустить хозяйку, дать ей освободиться от ноши, а им разлить тёплой саке. Так прошло пять минут. Обернувшись к своим, Виктор увидел хозяйку заведения и сделал выражение, что, мол, только что заметил её и поднос с саке. Извинился и на-

правился к своему столу, не забыв пригласить терпеливую компанию при случае «приземлиться к русскому столу».

Конечно, сакэ успела остыть – уже не 36 и 6, а меньше. Хозяйка сделала движение повернуться и унести, заменить на более горячую, но компания этому воспротивилась, и она, присев к их столу, освободила поднос от напитка.

– Видал? – спросил Виктор. – И так во всём. Если, к примеру, один человек другого убил, скажут просто: «Потерял контроль поведения»; *lost temper*. Ни слова, мол, «подлец», «негодяй» и прочее. Нельзя – моралью общества запрещено говорить такие слова и давать определённые негативные оценки. Здесь это равносильно тому, что по Арбату голым пройти. Позор ляжет на говорящего, а не на того, к кому отнесены слова.

Что и говорить, на Владимира он произвел сильное впечатление своим показательным трюком, и тот ему поверил. Майя только улыбалась и поглаживала мужа по рукаву пиджака: «Доказал».

– Да, что там! Если про всё рассказывать, то книгу можно написать. Только всё это зря: не умеют у нас учиться хорошему. Учить – другое дело, а учиться культуре – нет! Мы сразу про русских писателей толковать начинаем: Толстого, Достоевского. Обогадили, мол, мировую культуру. Иди, спроси хозяйку, что я заставил ждать с подносом наперевес, читала она Толстого или Федьку? Нет, не читала, а ума и культуры в ней не меньше, а больше, чем в каждом из читавших их

в оригинале.

– Виктор, ты становишься слишком серьёзным. Я читал «отца Фёдора» удачно, ты и его, и других, конечно, тоже читал, и не чувствую, что зря. Возвращаюсь к ним порой. «Анну Каренину» раз пять читал и Достоевского не по разу. Соглашусь, культурней не стал. Что мать с отцом дали, то я дополнил французами – Бальзак, Мопассан, – и англичанами, начиная с Уильяма, друга нашего, Шекспира и кончая Оскаром Уайльдом. От своей культуры я не вынес. Более того, уверен, что русская литература несёт в себе заряд антикультуры. Пушкина, Лермонтова, Куприна я отношу к европейским писателям и с Достоевским и Толстым их вместе не путаю. Троица всех других выше.

– Вот видишь: ты типичный Russian. Включаешься с полоборота в серьёзные разговоры. Про еду и даму позабыл, а ей не нужны наши рассуждения. Ей больше подойдут практические примеры: покажи, чему научился у французов, – Виктор завелся, но упрекал в этом опять других. Не остыл и продолжил:

– Я тебе объясню, в чём беда и антикультура русской литературы, о которой ты говорил.

– Да? Любопытно. Попробуй. Что я имел ввиду, мне известно. Посмотрим, как ты это понимаешь, – теперь завёлся и Владимир.

Мае скучно было с ними, но она сидела и ждала. Знала – принесут, выпьют, успокоятся, и продолжится танго-флирт

с проникающими последствиями.

Виктор, обращаясь к Владимиру и выставив локти на стол, серьёзно заговорил:

– Представь себе море. Тёплое море. Высокое жаркое солнце греет его, и в нём бурлит жизнь. Радужные рыбки, кораллы, черепахи, медузы всех мастей и раскрасок. На малой глубине течение нетерпеливо ласкает водоросли, и те льнут к раковинам, где моллюски лелеют жемчуга. Берег моря – рифовые или вулканические острова: белоснежный песок, пальмы, кокосы, шоколадные филиппинки и их губастенькие мужья или пробковые друзья-англичане. Жизнь. Все радуются, греются, любят. В море, на суше, ночью и днём... Появляется русский. Смотрит, качает головой, цокает языком, осуждает, не принимает. Рубит пальму, оставляя людей и обезьян без кокосов, долбит и строгаёт лодку. Впрягает в своё занятие всех, кого может, и требует плести для него парус. Сплели, приладили, и этого мало. Крадёт у англичан пробковые шлемы и мастерит себе скафандр. Филиппинцы в страхе – соберёт, гад, все жемчуга. Нет, страхи напрасные. Русский не такой элементарный, как они. Он плывёт далеко в море, где громады волн. Борется с ними. Побеждает. Сдаётся Посейдон. Штиль – плыви, купайся. Опять же нет. Ныряет на самую глубину. Холод, тело сжимает, света нет, тьма. Опускается на самое дно, за истиной. И находит её – слепые крабы на илистом дне и мечущие молнии в сторону всего живого электрические скаты. Вот это и есть портрет русской

великодушной литературы. Тем, кто остался на коралловых рифах, никогда не понять обречённой тяги русского к глубине, которая не нужна никому – и ему в том числе.

Классическая русская литература учит не жить в том слое, что Солнце согревает специально для жизни, а понуждает людей утопать на глубине, становясь добычей слепых крабов и электрических скатов. В этом и заключается антикультура Достоевского, Толстого и всех русских писательских кружков дооктябрьских веков, которые кричали о совести, а не о благодати бытия. Про двадцатый век говорить смысла нет – десять имён от силы. Остальные в оркестре антикультуры. Особая глубина мысли – подлое отвлечение от жизни в согретом Солнцем слое. Там тесно, но тепло, светло и много возможностей. Там свои законы, и их нужно суметь постигнуть: чтобы жить как все, надо быть как все.

– Вить, остынь. Я согласен с тобой. Полностью. Только остынь. А ты, кстати, много французов или англичан читал?

– Нет, очень мало. Отравился Достоевским. Теперь нормальных книг и читать не могу. Всё тянет на глинистое дно к слепым крабам опуститься. Достичь дна Марианской впадины. Дураки.

– Speak for yourself (говори за себя), – бросил Вовка и, поджав губы, серьёзно глянул на Майю. Его тревожил оборот встречи. Пришли развлечься, начали весело и вот – от безобидной темы скатились к самоуничтожению во имя глубины «Марианской впадины».

– Мальчики, несут! – выручила дама застолье, воодушевив мужичков-дурачков приподнятым голосом и настроением.

– Понимаешь, Вован, Russians стремятся пользоваться всем тем, что культивируется в согретых слоях биосферы, а жить на илистом скользком дне, в холоде и темноте, упрекая в самообречённости других. Но так нельзя: на дно путь короткий, а к солнцу длинный. Снять давление глубины можно лишь постепенно поднимаясь к культурному слою. Быстро нельзя – смерть от декомпрессии. Об этом никто не говорит людям. Этому их не учат. Будь моя воля, я бы каждого Russian не меньше года обязал бы прожить за границей. Кредит у Международного валютного фонда для дела выбил бы. Это самый короткий и наглядный путь к действительной, а не к особой русской культуре, – он уже успокоился и говорил, улыбаясь.

Японка расставляла на столе перед русскими гостями первые холодные закуски, и Виктор не хотел заставлять её думать, что что-то не так. Она могла от этого расстроиться. Майя и Владимир заметили перемену и одинаково её оценили, но выводы для себя сделали разные.

«Культуру обсудили, осталась политика, Курилы», – сказала себе Майя.

«Ну и подлец же я, – подтвердил прежний вывод Владимир. – Ему и так-то на душе от головы нелегко, а я ему ещё рога навесить собираюсь. Да, подлец, но в русском вполне

стиле. Это меня извиняет».

Водка в глиняных кувшинчиках как под ландыши стояла на столе. У каждого своя.

– Как её здесь пьют? Тоже какие-нибудь тонкости восточной культуры? – спросил с явной растерянностью Вовка сокувшинников.

– Представь себе, да! Я из своего налью тебе, ты – Майе, она – мне. Себе нельзя.

– А можно я налью тебе, а ты сам Майе? Не умею я женщинам водку наливать. Что-то внутри протестует. Шампанское – другое дело.

– Ну и зануда. Одни комплексы. Живи в культурном слое, – назидательно гнусавым голосом протянул Виктор и плеснул в подставленный Вовкой глиняный стаканчик водку из своей бутылочки.

– Во дела, у нас в такие стаканчики яйца всмятку кладут, а здесь водку пьют. Сколько же их надо выпить, чтобы эффект почувствовать?

– Не успеешь заметить: наклюкаешься так, что встать не сможешь. Здесь гостей не спрашивают, подать ещё или нет. Видят, что пусто в бутылочке, подносят новую тому, у кого пусто. Верь слову: маленькими мерками больше получается.

Майя всё время терпеливо ждала, когда кончатся разговоры, когда нальют, наконец, водку и произнесут первый тост. Налили, подняли.

– За что теперь выпьем, мальчишки? Ты, Виктор, молчи, а то опять предложишь экзотику.

– Стало быть, мне выпадает говорить, – вздохнул Володя. – Что ж, давайте за Моцарта.

– Чего? Он-то как к нам в компанию попал? Лучше бы уж я сам предложил, за что выпить.

– Да, с вами, друзья, не соскучишься – не успеешь: прежде помрёшь или увянешь.

– Сегодня 5 декабря. Годовщина смерти Моцарта. Сам же говорил о культурном слое, а пить хочешь за глубину, – упрекнул Вовка Виктора. Майю упрекать не стал – она дама, а упрёки дамам за столом – табу.

– Ну что ж, фактом удивил, аргументом убедил. Пьём за Моцарта. Придётся даже встать.

Они поднялись и молча, не чокаясь, выпили во славу величайшего из всех композиторов. Жил бедно, страдал, но другим дарил любовь и радость. Славься в веках, Вольфганг Амадей Моцарт.

За дальним японским столиком тоже поднялись, повернулись к русскому столу и, воздев как первомайские флажки стаканчики саке, присоединились к тосту «За русскую даму». Где им было знать, что первый подход к стакану был у русских скорбным. Майя прыснула со смеха и побежала к японцам чокаться. Виктор и Вовка дожидаться возвращения не стали – выпили, опрокинув яичные стаканчики. Виктор остался стоять, а Вовка начал опускаться к столу, чтобы

закусить, как вдруг услышал: «Bitch! A real Bitch!»

«Кому-то он?» – подумал Владимир, не сразу въехав в чувства ущемлённого мужа жены. Понял и подумал: «Как он её? А вдруг и правда bitch, dragon bitch? Хорошо бы, а то я из-за Фёдора и Толстого совсем танго потерял: и уронил, и на ногу наступил. Всё разом. И какой чёрт меня дёрнул спор про них поддержать? Сами жили – не тужили, нас учили и безобразничали, извиняясь, мол, „чёрт в ребро, а так мы хорошие; вы, русские потомки, нас читайте – больше глубины взять не от кого“. Взяли, а единственный ценный экспонат из-за стола к японцам слинял. По-английски, на английский». Вовка опустил и глянул на Виктора. Тот продолжал стоять и пристально смотреть жене в спину.

– Скоро вернётся. Это показательные выступления. Было, и не раз.

Виктор не отрывал глаз от жены. Было ясно, что он сердится или даже больше того – он в ярости или... «Ревнует?» – удивился Вовка. – «Какие быстрые смены настроения у этого человека. И ещё. Он говорит словно мне, а сам весь в напряжённом внимании на жену. Речью он только прикрывает свой интерес к ней. А возможно ли, что именно Майю он и хочет поразить своими умствованиями?»

V

Вовка с сомнением покачал головой и подумал опять о себе: «Если скоро вернётся, что едва ли, то мне надо успеть быстро поесть до этого момента. Без еды много не выпью, а выпью – с дамой не управлюсь. Bitch – не Bitch, а подход, как и ко всем, требуется, и процесс особый. Её уход мне весьма на руку», – заключил Вовка и приготовился начать атаку на застольные дары русской кухни в Японии. Краем глаза успел заметить, что Виктор со своим стаканчиком отправился вызволять жену из чужих рук и приветливых улыбок. «Пить ещё будут. Из их стаканчиков брезгают. Мне же лучше».

Глянув на стол, Владимир опешил. Ложек не было. Большие глубокие пиалы с куриным супом стояли на столе и ароматно дымились. Водка жгла гортань и взывала к закуске, чтобы немедленно пропустили. А как? Перед Вовкой лежали две соединённые у основания деревянные палочки и всё. Вермишелька в золотистом супчике плавала и издевалась. Крупка базилика до слёз просила супчик съесть. Белое куриное мяско лежало на дне как жемчужная раковина, о которой трепался Виктор, а русский не мог нырнуть за ней. Что уж там о глубине говорить. «Ладно, тебя я достану, а остальное просто выхлебаю через край. Удачно я сел – спиной к залу. Всё-таки я молодец».

Орудую двумя руками – в каждой по палочке, – Вовка подцепил куриное мяско и понес на встречу к опрокинутому *внутри* стаканчику с водочкой. Но перед самым входом в каземат мяско сорвалось и плюхнулось в пиалу, подняв горячую штормовую волну и брызнув в лицо голодному страдальцу. За ним никто не наблюдал, и он грязно выругался. Мясо презрительно промолчало в ответ и залегло глубоко на дно. Вовка в покое его не оставил. Налил ещё стаканчик из Витькиной доли, выпил, обе палочки взял как карандаш и по дну начал подтягивать мяско к роковой развязке. У самого берега жгучего озера поймал его пальцами и, охая, лягнул зубастым забором. Было очень горячо, но терпимо. Желая себе помочь, Вовка налил ещё стаканчик из той же (чужой) доли и поднес к губам для принятия. Зубов не разжимал, а вцедил сквозь них, как кит морскую воду. Мясо сдалось, и он, морщась от горечи, дожевал его и съел. Ловить длинные змейки вермишели Вовка уже не стал. Он выставил на стол локти, сжал в руках молитвенную чашу и, сёрбая как купец за вечерним самоваром, в пять минут всё съел и сгрёб со дна палочками все съестные остатки. На душе резко полегчало, когда в животе потяжелело и потеплело. Глазки стали масляными и начали поглядывать на компанию обидчиков. «Пойти к ним или остаться? Вдруг dragon решит вернуться, видя, что я один». Однако долго думать ему не дали: хозяйшшка заведения заметила, что гость супчик поел и бутылочку осушил. Кланяясь и причитая «уважае-масс»,

хозяйюшка принесла сразу три вторых блюда и новую бутылочку взамен пустой. «Вот, и выпить и посуду успел сдать, пока они хе – ёй занимаются за чужим столом – всё же стынет! Дали б знать; я съем для сохранности. Впрочем, хорошо, что их нету: опять начнут рассказывать, показывать. Доведут до того, что как монгол при всех руками есть начну. В знак протеста против палочек в русском ресторане. Ни тебе цыган, ни тебе русской музыки, ни тебе ложек с вилками. Что это такое?» Последние мысли относились к пиале с мясным блюдом. Порезанное словно овечьими ножницами мясо громоздилось горкой под носом и требовало не мешкать. Пришлось налить ещё. «Под горячее полагается». Выпил одним глотком и увидел, что мясо не вполне обычное: «перфорированный» ремень. Всё, что в тарелке – одна большая ленточка.

Это страшно обрадовало Вовку: можно подцепить «...да хоть рукой!» один кусочек ленты и затянуть всю цепочку, придерживая губами и палочками внешний конец, пока зубы разбираются с внутренним содержанием. Со стороны выглядело так, что Вовка бубнил, уронив длинный скомороший язык в тарелку. Как он выглядит, его не волновало. С мясом расправился за три минуты, а втянув последний фрагмент, запил всю мясную змею. Жизнь с каждой минутой становилась всё лучше и лучше. Интернациональная компания его больше не волновала. Потирая от удовольствия руки, начал Вовочка изучать оставшиеся два блюда. В одной пиале был

рассыпчатый рис, в другой – соус. «По цвету похож на соевый, но гуще и пахнет мускатом. А, тем лучше». Вовка слил соус в рис и помешал загустевшую кашу палочками.

«Ну вот, теперь можно не клевать каждую рисинку отдельно». Вовик пристроил пиалу к губам, держа её в левой руке, выставленной локтем на стол. Орудую ловко правой рукой, сгрёб мускатно-рисовую кашу и прикончил вторую чужую бутылочку. Палочки после еды Вовка демонстративно сломал и бросил в пиалу в знак того, что он своё уже поел. Если бы! К русскому опять подошла хозяйюшка, собрала посуду и выложила в бумажной обёртке новые палочки. Пустые пиалы забрала и, причитая что-то вежливое, удалилась. «Сейчас кофе принесёт», – решил пирующий в одиночестве русский учёный из Франции, проездом в Москве. Нет, оказалось, что не кофе. Хозяйка вернулась и унесла остывший суп в двух нетронутых пиалах и принесла для Витьки новую бутылочку водки взамен той, что выпил Вовка. Стол был девственно убран: осталась водка и запакованные палочки.

В этот момент вернулись Майя и Виктор, но не в ссоре, а весёлые, что было отрадно для Владимира. Подходя к столу, Виктор успел подать сигнал хозяйке зала, и она поспешила на кухню, а вскоре вернулась с тройным набором первого: горячий куриный супчик с базиликом и змейками яичной вермишельки.

«Рестарт», – безошибочно решил Владимир, но обидеться по обыкновению на злую Судьбу не успел.

Майя хитро улыбнулась и, указывая глазами на Владимира, по-русски попросила хозяйку подать всем ложки и вилки:

– Он первый день в стране и не сможет без привычных инструментов управиться с едой.

Хозяйка знала, что может, и весьма быстро может, но смолчала. Проявленная забота обрадовала Владимира и вселяла надежду, что Майя вновь вышла на охоту на самца. «А я уже поел и жду загонщицу». Ложки, вилки и ножи через полминуты были на столе, и Майя, глядя на Владимира, весело сказала:

– Мальчики, чем быстрее поедим, тем быстрее Виктор к Курилам перейдёт.

– Ну, это без меня. Проблемы вступления НАТО на Восток – пожалуйста, а с Курильской темой я не успел познакомиться. Не пришлось, – откомментировал Владимир, но на супчик налёг, а к водке не притронулся.

Майя поправилась:

– К счастью, участвовать в беседе не обязательно. К столу переговоров приглашена японская сторона с дальнего столика.

– А нам, беспартийным, куда деваться? – с намёком для Майи спросил Владимир.

Та быстро ответила:

– На гейш смотреть или в Японском саду погулять.

– На улицу распаренным водкой не пойду – балдёж пропадёт.

– На улицу идти не придётся. Сам увидишь. Японский сад – это карликовые деревья. Их растят в больших, как тазик, глиняных мисках и выставляют на полочки как слоников в Москве. Красиво. От туалетной комнаты есть проход за кухонную стенку, а там сад. По весне все деревца на улицу переедут. У японцев жизнь не такая оседлая, как у нас. Могут сорваться в другой город, сменить бизнес или вообще уйти от дел, а природу они любят и возят за собой. Мы – мебель, они – деревья.

– Теперь ты, Майечка, начинаешь культуру трогать, Вовке поесть не даёшь. Гляди, в спор уйдём – ты первая из-за стола побежишь.

Они ещё немного весело поговорили в промежутках между поднятиями ложек с обжигающим куриным супчиком. Майя с Виктором повторили раза два по стаканчику; Вовка воздержался, и теперь ко всем уже пришло чувство умиротворения и теплоты. Глазки мужчин масляно поблескивали, а у женщины светились изумрудными огоньками больших бесовских зелёных глаз. Вовка глянул на неё и, забывшись об осторожности, просто промолвил:

– Какая Вы, Майя, красивая...

– Да-а, слишком красивая... – бесцветным голосом протянул Виктор в ответ.

Образовалась пауза. Каждый из них задумался о своём. В такие мгновения вдруг начинаешь слышать гул окружающих голосов, как звенят чашки или стаканы. Любой внеш-

ний звук становится доступным слуху и чувствам. Слова за-
пираются, в груди бьётся сердце в тревожном ожидании –
добра ли? худа? – и непостижимо трудно вернуться к тем,
кто рядом с тобой.

Любые слова будут пустыми, любые улыбки – маска.
Всё, что рядом – ненастоящее. В такие мгновения Влади-
миру всегда хотелось встать, уйти, остаться одному, наеди-
не со своими мыслями и чувствами. Он любил близких,
но не выносил их присутствие рядом. Всех без исключения:
они, сами того не ведая, заставляли его страдать.

Паузу разрядила Майя простым возвратным вопросом:
– А почему всё-таки за Моцарта, Володя?

Он вышел из душевного стопора – Майя вывела его. Воз-
можно, почувствовала его настрой, а может и правда инте-
ресовалась? Таинственно улыбаясь, Володька начал расска-
зывать:

– Мы с Моцартом старые друзья. С восьми лет дружим,
несмотря на солидную разницу в возрасте – двести лет. Мы
родились в один год, но в разные века. Я ни с кем так не дру-
жен, как с ним. Моцарт это знает и не оставляет меня. Объ-
ясню полнее. Вы поймёте. Однажды довелось мне доклад
толкать на неважно какой международной конференции. Ко-
нечно, я готовился и волновался. Я всегда волнуюсь: знаю,
что лучше всех выступлю, но волнуюсь. Нет уверенности,
и где её другие берут, я просто не знаю. Мой доклад в по-
вестке сессии первый, и я – первый русский за всё вре-

моя существования этого евродома. Плохо выглядеть нельзя, мы же не финны. Выхожу. Кто-то из организаторов крепит мне микрофон к костюму, а я с Моцартом беседую. «Играй, тебе говорю!» А он мне: «Что играть? Из Фигаро?» – «Я тебе покажу из Фигаро! Играй по теме выступления: менуэт или аллегро. Сороковую играй, мою любимую». То ли я слишком грубо с ним в этот раз обошёлся, то ли он ноты забыл – не играет. Я жду, меня ждут, а он не играет. Стою и перебираю цветные картинки и плёночки с формулами, партитуру раскладываю и жду его, он не играет. Через десять секунд уже могли и другие бы заметить, что что-то не так. Я разозлился. *Lost temper*. «Играй, – говорю, – а нет, так сменю на Вагнера. Разменяю тебя на Фауста». Поверите ли – заиграл. Менуэт заиграл из сороковой симфонии. Я заулыбался, обвел взглядом зал и разом снял напряжение со всех лиц: они за меня переживали не меньше, чем я за Моцарта. Вот со звуками менуэта я и начал. Музыка Моцарта вела меня. Я никогда не готовлю свои выступления. *Never!* Я готовлю *background, basement*, плёнки и канву. Спрашиваю об отпущенном на выступление времени и начинаю с первыми звуками его земной музыки: для любви, жизни и для радости другим. Моцарт будет последним, с кем я в жизни расстанусь вместе с жизнью. Я вас утомил рассказом?

– Нет, просто это не совсем обычно для меня, но понять я, кажется, смогла, – ответила Майя.

Теперь пришла её пора грустить. Даже лицом постаре-

ла. Виноват в том факте был Владимир, и он начал думать, как вывести Майю из задумчивости. Требовалось что-то необычное, нейтральное и общее. Он спросил:

– А почему у японцев ноги кривые, словно они после нас с дерева слезли?

Майя заулыбалась и глянула на Виктора, предлагая ему взять слово. Виктор взял:

– Про деревья не скажу, а про ноги поделиться догадками могу. Женщины наполовину лучшая половина японского общества. А наполовину потому, что упаси тебя Боже смотреть на их ноги колесом. Я убеждён, что оно было изобретено именно здесь. Мужчина – лучшее в доме украшение. Ему достаются первые куски. Он – самурай, олицетворение японского духа. И дух этот, надо сказать, ощущается всюду! В метро, в магазинах, на лекциях. Ландышем не перебеешь. Женщин же кормят как нашу науку: по остаточному принципу, с той разницей, что от красавцев-мужчин ничего совсем не остаётся. Глаза у женщин грустные. Приглядишься. Не раз убеждался, что это от переживаний и хронических недоеданий, голодных рисовых диет. Едят женщины быстро, согнувшись, как будто из ладошек. По сторонам не смотрят, пока всё не съедят. Понять, что они опережают своего красавца-мужчину, нетрудно. Мужики суп сёрбают, рыбу причмокивают, а поели – громко рыгают. Что бы они ни ели, всегда имеется чёткая звуковая индикация.

– Исчерпывающее объяснение. Ясно, по крайней мере,

почему японцы такие умные: фосфора в мозгах много, а от нехватки кальция гибкие конечности у женщин.

Вовка помолчал, а Виктор, польщённый вниманием, продолжил свои спекуляции:

– Днём по городу пойдёшь – приглядишься: многие женщины ходят в брюках.

– Это те, у кого колесо квадратной формы? – вульгарно предположил Вовка, чтобы польстить даме, у которой ноги были совершенны.

– Нет, совсем напротив. Помнишь, как у Эльдара Рязанова: «Некрасивые ноги надо прятать». Это про некоторых японок. Если у неё ноги как у Клавы Пастуховой...

– Клаудия Шиффер, – подсказала Майя.

– ...то такое уродство необходимо прятать в брюки. Позор один, да и только.

Вовка с сомнением покачал головой.

– Япония – страна консенсуса: всё, что у большинства, то красиво, правильно и дорого всему народу. Остальные подстраиваются или маскируются. Так во всём. Заметно даже в магазине.

– А что в магазине? – с опаской поинтересовался Вовка.

– Японцы убедили себя и весь мир, что они больше всех любят рыбу. Теперь вынуждены её есть и покупать за бешеные деньги.

– А почему за бешеные, коли всем надо?

– У нас в Японии так: что нужно всем, то дорого для всех;

что требуется лишь для некоторых, то отдают по бросовым ценам. Показательные примеры. От кур они едят только то, что получается после посещения их петухами: яйца. Куриное мясо есть некому, и стоят белые грудки и «бушевские» лапки копейки. Говядину едят особую: жирную, чтобы рис легче слипался в резиновые комочки. Орудуют-то палочками. Постное мясо, вырезка – бросовый товар, для нищеты и лимиты, вроде нас. Покупать стыдно, а есть вкусно. Все пьют саке: мужчины и женщины. Виски, джин и Смирнофф – хоть залейся. Наши люди в Японии страдают от обжорства и пьянства. По-другому не получается: дорого. Верно, Майечка?

– После всего, что ты рассказал, про гейш я боюсь и спрашивать.

– Спрашивай, не бойся. Не к ночи будь сказано, гейши – это нечто. У нас в стране бытует мнение, что это особо образованные дамы для тела и души. Поэзию знают, философию, языки. Чушь, полная ерунда. Так говорят те, кто ни разу не бывал в Японии. Во-первых, женщины здесь в беседе мужчин не встречаются, и те их никогда не просят это делать. За один стол, бывает, садятся, но не для того, чтобы беседовать. Задача гейши в другом – красиво служить. Понимать следует в комплексе. Образование гейше необходимо, чтобы знать не по меню, а по беседе, что к столу подать, что и когда в стаканчик налить. Это первое. Теперь второе, самое главное. После отрыжки самцов на женщин тя-

нет. Это закон. Но у всех у нас с бабами комплексы. Один считает себя некрасивым и стесняется, другой лысый, у третьего нос кривой, у четвёртого конец нестойкий и так далее. Так вот, гейша своим стелящимся поведением и безукоризненной приветливостью обязана служить так, чтобы снять у мэна комплекс неполноценности, каким бы сложным комплекс не был, и «обкончать» его. Вот что такое гейши. Параллель с цыганками уместна, но не полная. Те берут естеством, а гейши мастерством, но цель одна: любовь и деньги.

Витька победно умолк. Заметно было, что он гордится своей особой наблюдательностью.

– А-а, вот и японская делегация на низшем уровне. Прошу, прошу, присаживайтесь, – протянул Виктор по-английски, заметив подошедших к ним двух японцев от далёкого столика в центральном проходе зала.

Майя, притворно зевнув, встала и, обращаясь к Владимиру, сказала:

– Пока они Курилы по справедливости делить будут, мы можем в японском саду погулять. Как Вы, Володя, смотрите на моё предложение?

Вместо Владимира ответил Виктор, обрадованный переходом на *Вы* в общении между ними:

– Конечно, идите. Я и один с ними управлюсь. Славой урегулирования делиться не собираюсь.

И они пошли, оставляя враждующие в добрососедстве стороны искать компромисс.

VI

Выйдя из зала, Майя обулась, и Вовка последовал её примеру, но зашнуровываться не стал. Майя покачала головой и шутливо-строго нахмурила брови. Вовка ответил в унисон: пошмыгал носом, как иной ученик у доски, потёр его указательным пальцем и, вздохнув, присел завязывать ботинки. Неожиданно он ощутил тепло на макушке с – *уввы* – поредевшим покрытием. Он глянул снизу на Майю, и та быстро отдёргнула руку. Предотвращая любой вопрос, обратилась к хозяйке:

– Поставьте что-нибудь наше, лирическое, душевное, современное.

Японка в ответ кивнула и поспешила на кухню. «Не кухня, а центр управления, Сервис workshop (цех)», – подумал Вовка.

По ресторану зазвучал чистый, добрый голос Александра Малинина. Он пел про Россию: «Белая, ах, какая белая...»

Майя взяла Владимира за руку и повлекла за собой в «зимний сад», что раскинулся за стилизованными печамидуховками в кухне. Окон в саду не было. Приглушённый искусственный дневной свет не раздражал глаза и наполнял сочную – фикусную – зелень карликовых деревьев в японском саду ещё более тёмными тонами. Она увлекла его в самый дальний от входа конец «сада». Встала, резко оберну-

лась и замерла, выставив чуть-чуть вперёд лицо. Красивое русское лицо с бесовскими зелёными глазами. «Почему бесовскими? У Христа тоже глаза зелёные... И у беды... и у меня. У меня, как и у неё, зелёные глаза. У меня – бесовские, у неё пусть будут бедовые».

Малинин пел про Родину – белую, спокойную, желанную, снежную. Как они истосковались по ней, презирая на словах ненавистное французское слово «ностальгия»! Владимир не видел русского снега уже два года.

Тот день, что он провёл дома, в Москве, выдался тёплым. Выпавший накануне снег успел растаять, и ему достались только грязные лужи и посыпанные солью мостовые.

Теперь он слышал про снег, луну и блеск инея. Ночь, свет, снег. Чёрная ночь, по какой истосковалось сердце, стояла перед ним и глядела на него манящими звёздочками глаз, открытым ртом, тонкими, но не злыми алыми губами. Какие ещё нужны были слова? Сердце в груди бешено колотилось, голова кружилась, и легкостью необъяснимой наполнилось всё его существо. Он сгрёб Майю в объятия. Именно сгрёб. Отыскал с закрытыми глазами её губы и вцепился в них – как младенец рафаэлевский припал к груди русской Мадонны. Она ответила. Затрепетала и, обхватив его за поясницу, вжалась в него животом...

Порыв необъяснимых чувств прошёл. Возвращалась ясность. Первой заговорила Майя:

– Пойдём в туалетную комнату. Ты первый. В дальнюю кабинку. Я следом. Ничего не бойся. Туалеты в ресторанах общие. К этому все привыкли. Подозрений не вызовет. Они с Курилами не заметят нашего отсутствия. Иди.

Качнувшись, всё ещё под наваждением музыки, слов и чувств, Владимир повернулся к женщине спиной и побрел в туалетную комнату, что была в пяти метрах от них. Она оказалась просторной и чистой до идеальности, с ароматическим кондиционером. Зеркала с боков, фены для рук, умывальники с хромированными кранами. Всё помещение оказалось не меньше троллейбуса по длине и шире электрички в московском метро. Сразу за дверью справа раковины – две в ряд. Слева в рост человека фарфоровые пристенки – фонтаны слёз – для тех, кто не нуждается в уединении в отдельных (трёх) кабинках, что располагались вдоль противоположной от купелей стены, сразу за умывальниками. Как и было сказано, Вовка отыскал дальнюю кабинку, зашёл в неё и почувствовал, что не зря. Время пришло. Можно, конечно, встать у стены. «А Майя войдёт? Нет, я уж лучше тут всё лишнее расплескаю». Так и сделал.

«А где же тут то, за что дёргать надо? Во дела! Мать честная! Одни кнопки и надписи по-японски! Матерь Божья! Сейчас дама придёт для любовного обряда, а у меня лимонный напн (-) ок в купели. Господи, помоги хоть раз!» Но, видно, не очень рассчитывал Вовка на силу Божью или милость. Вдарил разом по всем кнопкам и... откуда-то сбоку

в него брызнула струя. Облила брюки. Гнев Господень...

– Так-то ты помогаешь? Вольфганг, тогда ты! Давай из Фигаро! – со злости Владимир ударил крышку компьютерной санитарной купели, и та, непривыкшая к грубому обращению, пала замертво, прикрыв собой амбразуру купели. За павшей в бою крышкой лыбилась хромированная ручка – запасной вариант, если электроника или мозги откажут.

– Спасибо, Вольфганг. Вот, учись! – глядя на потолок, произнес Вовка, и трудно было по тону понять, кому он завешает учиться.

Майя не шла, а время шло. «Вдруг не придёт? Вдруг посмеяться решила? Посмотреть, сколько я здесь в кабинке просидеть смогу, её ожидая? О, женщины, презрение – ваше имя. Выходит, правильно сказал поэт?.. Дурак ты. Она тактичная. Она допускает, что тебе упустить, возможно, надо. А ты сразу в панику: „Презрение...“ Как не стыдно – словам не доверять. Ясно было сказано: bitch».

Как бы в подтверждение всех слов, с мягким звучанием открылась дверь в туалетную комнату, и кто-то вошёл. Вовка замер. «Она? ...Не она?». Она. Это была она, Майя.

Вовка отпрянул в сторону, давая двери открыться. Майя быстро скользнула внутрь, а дверь закрыла на механический запор. Встала лицом к Владимиру, откинулась плечиками к пластиковой стенке кабины. Ножки мысками туфель упёрлись в чуть расставленные ботинки. Он переступил с ноги на ногу и оказался в опасной близости от Венеры-соблаз-

нительницы. Она перевела глаза на его брюки и, улыбнувшись, спросила: «Справился? Ногой и рукой?» В ответ он только мрачно мотнул головой, подтверждая догадку. В висках у Вовки стучало, пульс на шее вздувался с каждым новым ударом сердца. Майя это видела, но повела себя немного неуверенней, чем прежде. Она чуть отклонилась к стенке. Отмотала длинную полоску туалетной бумаги, скомкала её и, опустив руку к его брюкам, начала промокать водный след. При этом её руки все время касались того места, что только и ждало своей минуты, и выглянуло наконец под звуки бессмертной выходной арии «мистера Икса» в голове обладателя достояния. Долго упрашивать мистера снять маску не пришлось: Икс вышел. Проход из-за кулис освободили заботливые бедовые женские руки.

– Хочешь, я на колени опущусь? – предложила она шёпотом.

– Хочу... но не здесь. Приходи ко мне, когда сможешь. Я первым должен тебя поцеловать.

Майя выпрямилась. Затылок и плечики вросли в стенку, ноги разъехались ещё шире. Короткое платье, само сморщившись в подоле, поднялось кверху. Она помогла: подобрала платье ещё выше, до пояса, и Владимир смог увидеть на бёдрах чёрные кружевные трусишки – лоскуток, символический женский атрибут. Их даже не обязательно снимать: можно просто отвести узенький край в сторону, освободить ложе алтаря страстей, что всех других сильнее.

Владимир так и сделал. Брюки упали ещё прежде. Он даже не задумывался, как смешно и романтично мог теперь смотреться: в туалете, с потерянными, мокрыми штанами, в растёгнутом пиджаке и белой как снег рубашке; синяя полоска галстука, свисающая как сосулька с карниза, и чёрная звёздная ночь. Бесовский, бедовый омут.

Он придвинулся к ней. Она замерла. Чуть приподняла голову. Глаза устремились поверх его головы. Руки скользнули к кружевной полоске, отвели её в сторону и остались там, где были. Он медленно, тактично – gently, very, very gently, – придвигался к ней всем телом. В моменты полного соединения она едва слышно охала. Лицо горело. Взгляд замер. Она напряглась как струна, и он должен был играть на этом инструменте, не мучая его, открывая для двоих, и, что очень важно, именно для неё, для женщины, божественность звучания нежной скрипки её души.

Майя Владимира не видела. Она ощущала себя птицей. Вот быстрый взмах крыла. Подъём на максимальную высоту, когда уже ничто не держит – можно сорваться, упасть. Затем свободные, плавные движения крыльев вниз – туда, где они встречаются в полёте. Хлопок – быстрый разлёт. Она летела над родной Украиной, над заснеженным хутором, где прошло её детство и школьные годы.

Владимир понял, что его надолго не хватит, и испугался, что Майя не успеет вернуться из полета прежде его. Он начал себя отвлекать, не меняя четырехтактного ритма без

первой ударной ступени: сплошное плавное легато. «Расстояние от Земли до Солнца – восемь минут, свет проходит его за сколько-то там километров. Что же надо узнать-то? Когда Майечка опалит свои крылышки? Восемь минут – это четыре тысячи восьмьсот секунд. Умножаем, не торопясь, на триста тысяч километров в секунду – средняя скорость света в вакууме, – и получим... и получим... Да, получилось».

– Володя, Володя, – зашептала ему Майя, – спасибо, дорогой, что меня подождал.

– Что ты, Майечка, это тебе спасибо. За всё. С тобой я почувствовал себя человеком. А то всё как машина: компьютер и игровой автомат одновременно. Но ни одна теория, никакие богатства не могут дать того, чем можете наградить нас вы, женщины. Тебе спасибо, родная, нежная, добрая...

Долго продолжать тему не пришлось. Владимир вжался в неё и замер. Замерла и Майя, пытаясь почувствовать его внутри. Через несколько секунд оба разом выдохнули и глянули друг на друга.

– Какое красное лицо, – одновременно промолвили они, обращаясь друг к другу. Это сняло всякую неловкость, и они заулыбались, приводя себя в порядок.

– О чем ты думал? Вид у тебя был как у Феликса – архайческого арифмометра. Работает исправно, надёжно, а результат приходится ждать долго. Я сдерживалась, сдерживалась, тебя вперёд по лыжне пропускала.

– Вот дела! А я тебя пропускал. Ждал; чуть было рассто-

яние от Земли до Солнца с отраженным лучом не прошёл, а ты всё порхала, порхала... Может, повторим?

– Я бы с радостью. Идти надо – японский сад слишком миниатюрный для повторного сеанса.

– Да, ты права. Но мы встретимся? Одни. Ещё.

– Кто бы сказал... А он меня никогда не ждёт. Я потом сама всё... когда уснёт.

У самой двери она, спохватившись, его остановила. Быстро побежала в кабинку и вернулась с новым комком туалетной бумаги, смочила её. Подошла к Владимиру вплотную, начала обтирать губы от помады. «Вот: век блуди, век секí. Сейчас бы вышли к столу переговоров. Делегации могли бы решить, что мы не в саду гуляли, а любовью в туалете занимались. Народ-то у нас известно какой: думает про других только плохое», – с такими мыслями Вовка и вернулся в съестной зал.

VII

На переговорах спор не затихал. Речь действительно шла о Курилах, как это у нас называют, или о «северных территориях», как здесь, в Японии. Когда Венера и Феликс, успевшие принять обличия Майи и Владимира, вернулись к столу, наступал момент кульминационной развязки. Виктор, оправдывая свое имя, победно доминировал во всех видах программы: в языке, аргументах и фактах. Волосы на густой шевелюре Виктора топорщились, а он победно жестикулировал то по-ленински, то по-сталински. Со стаканчиком – по Ильичу. Без стаканчика – чётко по партийному, как учил лучший друг всех советских детей, матерей, бабушек и дедушек будёновских времён.

От вида всей сцены победно зазвучал в Вовкиной голове, отравленной (не) земными радостями, «Марш Черномора». От неожиданности звучания Вовкина голова заговорила сама:

– Только этого ещё с нами не хватало!..

– Кого, Володя?

– Глинки... Ивана.

Витька уцепился за последнюю фразу и начал ему выговаривать:

– Форменно, Ванькú. Ты послушай, что он говорит: верните и всё. Ни фактов, ни аргументов – одно голое желание

и японское, чтобы не сказать ослиное, упрямство.

– А-а, вы всё про это? – протянул Вовка и сел напротив дамы, уставился на неё и отрешился: не замечал и не слышал никого; видел только её... и вспоминал дорогую сердцу, любимую, единственную, далёкую женщину – жену Оленьку, что ждала его в Москве. Он никого больше не слушал и не слышал...

Виктор продолжал победный марш:

– Если вы ставите вопрос в плоской проекции – «отдай и всё!», – то я предложил бы вам, прежде всего, взглянуть на вектор в целом. Тогда станет ясно, откуда мы вышли, как пришли к нынешнему статусному состоянию и куда от него в дальнейшем стремиться будем. В плоскости всего не видно – потеряно. Это первое. Откуда вышли – знаем: до Москвы «от границы мы Землю вертели назад – было дело сначала. Но обратно её закрутил наш... Главком, оттолкнувшись ногой от Урала». Дальнейшее известно: Сталинград, Варшава, Берлин, Прага, суд, Сибирь, Манчжурия, опять суд, снова Сибирь и – не гуляй, самурай, не твой это край.

– Отдайте, отдайте назад всё, что отвоевали! – тянул, мотая головой, хмельной японец, бывший самурай.

– Во вам! «Создайте условия!» – недипломатично вспылil Виктор и сунул под нос самураю кукиш образца бесподобного инженера Талмудовского, держателя патента на этот бессловесный, убийственный аргумент.

– И вам, и вам!

– А нам-то что?

– Денег вам – во! – столь же сноровисто, как Виктор, самурай вернул кукиш к лицу русской делегации. Оскорблял.

– Нет, ты видал, Вовка, ещё и хамит! Когда просят, говорят: «Пожалуйста».

– Вот вам, please. Скажите, Владимир, отдать или не отдать, please?

Ничего Владимир не видел: он был далеко. На секунду выйдя из прострации, он поймал за хвост последнюю фразу самурая и кивнул головой: отдать. Он всегда так делал, когда не понимал вопрос: нейтрально соглашался в тон говорящему. «Повторит – ответу нормально». Не повторил самурай.

– Не отдать! Ты его, Самура-сан, не слушай. Он негосударственный человек. И острова вам отдаст, и денег не возьмёт. Его кроме баб и науки ничего не интересует. Космополит гаремный. Не слушай его. Он вас до добра не доведёт. Меня слушай: «не отдавать!», а деньги – аригато, милости просим; укрепим доброе враждососедство. Деньги – зло, они вас портят, избавляйтесь от них легче, а это значит давайте нам. Ничего нет проще, чем растворить ваши деньги в нашей экономике. Себе и нам поможете. Опять пришли к компромиссному решению: «деньги – да, острова – нет».

– Отдайте! ...Пожалуйста, «уважае-масс».

– Опять ты за своё. Я могу назвать целый ряд причин, по которым этого делать не следует. Но остановлюсь только на двух, карточных. Обещаю: больше просить острова не бу-

дешь.

– Буду. Отдайте. ...Пожалуйста, «уважае-масс», – угрожал, требовал и просил самурай, прошедший Манчжурию, Сахалин и Сибирь, освоивший русский язык, женившийся на русской казачке, но так и не образумившийся умом.

Виктор перебил:

– Из всех причин не отдавать важнейшими для нас являются две: икра и крабы.

– ??? ...Едим, чёрную едим.

– Каспий трогать не будем: там свои проблемы. Об этом я не с тобой говорить буду, а с Am-guysi – «Albi-nonsense»-амии (англичанами).

– Окау, не едим, и какой из этого следует вывод?

– Икру вы не едите. Факт. Она у вас дешевле селёдки и воблы. Требуха дороже стоит. В России к кабачковой икре народ больше уважения питает, чем вы к кетовым слезам. Над вами лосось в голос смеётся. Дополнительное обстоятельство: вы – жадные. Это ясно на примере с деньгами: имейте, но не даёте. Всё условия ставите, – Виктор укоризненно покачал головой, глядя из-под бровей на японцев. После паузы продолжил:

– Теперь следствие: вы поставите сети, введёте для рыбы паспортный режим и будете ловить её единолично. Американский флот с авианосцем Эйзенхауэром станет на якорь в бухте Спокойствия и начнёт ваш промысел охранять. Им икру, вам – требуху, а Россия лишится ещё одного своего

национального символа. Из сверхикровой державы перейдёт в разряд третьерыбных стран. Это те, что сами не ловят и у других не покупают. Денег нет.

– Мы дадим.

– Как вы даёте, я видел. Стыдно так давать: кукиш к лицу. «Уважае-масс».

– Хорошо, а с крабами что не так? Крабы-то как на острова залезли? Они все у ваших берегов.

– В том-то и штука. Вы – единственный народ в мире, который по деньгам ценит крабов больше, чем стоит купить ракету «Стингер» и послать её в Израиль. Мы крабов ловим в Охотском море и вам продаём целиком, неочищенных, по пятьдесят-семьдесят «капустных листов». Вы их очищаете, лапы и клешни съедаете, а мясо, что на спине под панцирем, прессуете в крабовые палочки и как отход производства по символическим ценам откидываете нам для дальнейшей, полной утилизации. Мы – голодные, задавленные перестройкой, – берём. Где вам нас понять? Крабов мы кормим рыбой – той, что у вас отбираем; у браконьеров, нарушителей границы. Ту дрянь, что вы ловите, у нас люди не едят. Голодать будут, помирать, а не съедят. Мойву в России и кошки не едят, только крабы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.